

СТАТЬИ

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ (декабрь 1941 г.— октябрь 1943 г.)

В. В. Позняков

С момента вступления США во вторую мировую войну до открытия в октябре 1943 г. Московской конференции министров иностранных дел трех союзных держав в советско-американских отношениях произошли существенные изменения. За неполные двадцать три месяца военных действий Советский Союз одержал решительные победы в двух крупнейших сражениях — Сталинградском и Курском — и перешел от стратегической обороны к наступлению на всем протяжении советско-германского фронта. Из страны, нуждавшейся в экономической и военной помощи своих союзников, СССР превратился в равноправного участника коалиции, вносящего наибольший вклад в вооруженную борьбу с нацистской Германией и ее сателлитами. Большой путь — от нейтралитета до активного участия в войне — прошли на протяжении того же периода и Соединенные Штаты. Эти перемены, изменение соотношения сил внутри антигитлеровской коалиции нашли отражение в повестке дня и решениях вначале Московской, затем Тегеранской конференций, открывших собой новый этап в межсоюзных отношениях.

Все эти события не могли не повлиять на мнения и поведение многих миллионов американцев и не сказаться на их отношении к советскому народу, его вооруженным силам, политике, проводимой Советским правительством, равно как и на представлениях о Советском Союзе и его народе.

В связи с тем обстоятельством, что и в советской, и в американской литературе, посвященной взаимоотношениям СССР и США в годы войны, обычно констатируется лишь сам факт изменений в отношении американского общественного мнения к СССР и советскому народу, задачей автора предлагаемой статьи будет попытка рассмотреть следующие вопросы: в чем состояли эти изменения и каковы были их причины, как изменились

представления американцев о Советском Союзе и почему и, наконец, каковы были источники этих новых представлений?

О том, что изменения, происходившие в сознании значительного числа американцев, были весьма существенны, свидетельствовали прежде всего данные опросов общественного мнения.

Начало этих перемен пришлось уже на вторую половину 1941 г.¹ Стойкость и героизм, проявленные Красной Армией в ходе летней и осенней кампаний, крушение планов нацистского блицкрига, решительное контрнаступление под Москвой, приведшее вермахт к таким поражениям, каких не могли предвидеть «ни сами немцы, ни большинство наблюдателей в нейтральных странах»², серьезнейшим образом отразились на отношении американцев к способности Вооруженных Сил СССР к сопротивлению, а также к той роли, которую он стал играть в войне с Германией и ее союзниками. Если опрос, проведенный Американским институтом общественного мнения 24 июня 1941 г., показал, что 47% американцев предрекали победу Германии и лишь 22% — Советскому Союзу³, то полгода спустя в Соединенных Штатах господствовали уже совсем другие настроения. «Превосходство Красной Армии в сражениях, развернувшихся в декабре, не вызывало никаких сомнений», — отмечал либеральный еженедельник «Нью Рипаблик» 12 января 1942 г. «Самые важные военные новости поступают сейчас из России», — подчеркивал военный обозреватель другого нью-йоркского еженедельника Донэлд Митчелл. Именно с сопротивлением России связаны «в настоящее время наши величайшие надежды» — отмечалось в том же журнале недель позже⁴.

И все же атмосфера, характеризовавшая отношение американского общественного мнения к СССР, едва ли напоминала «медовый месяц», как определил ее в своей книге известный американский исследователь Гэбриел Олмонд⁵. Безусловно, стойкость, проявленная солдатами и командирами Красной Армии на полях сражений, осознание необходимости совместных действий против общего врага немало сделали для сближения народов двух стран и для улучшения отношения американцев к СССР. Однако предубеждения и подозрения, подчас простое непонимание или незнание американцами советских реалий⁶, недоверие к СССР, укоренившееся в сознании общественности США на протяжении 20—

¹ Число американцев, выступавших за предоставление СССР военной и экономической помощи, выросло с конца июня по декабрь с 35 до 73,3%; численность противников помощи упала с 54 до 13,5% опрошенных. См.: Public Opinion, 1935–1946/Ed. by H. Cantril; Prep. by M. Strunk. Princeton (N. J.), 1951. P. 411; Fortune. 1942. Febr. P. 98.

² Nation. 1942. Jan. 3. P. 8.

³ Welsh W. B. What the American People Think of Russia // Public Opinion Quarterly. 1944–45. Winter. P. 515. (Далее: POQ).

⁴ New Republic. 1942. Jan. 12. P. 40; Nation. 1942. Jan. 3. P. 8; Jan. 10. P. 29.

⁵ Almond G. The American People and Foreign Policy. N. Y.; Wash., 1960. P. 93.

⁶ POQ. 1944–45. Winter. P. 513–514.

30-х годов, продолжали оказывать свое влияние на представление значительной части населения страны. Следует помнить и о том, что различные группы американцев, равно как и средства массовой информации различных политических направлений, по-разному относились к проблеме военного и политического сотрудничества с СССР, к тому, следует ли оказывать ему помощь, к формам этой помощи и условиям ее предоставления.

Как отмечал в «Политическом обзоре за 1942 год» британский посол в Вашингтоне лорд Галифакс, американское «общественное мнение отличали глубокое недоверие к намерениям России, существовавшее бок о бок со столь же глубоким восхищением стойкостью, проявленной ее армиями на полях сражений»⁷. Однако посол дал не вполне точную оценку — подобное двойственное отношение было характерно далеко не для всех американцев. Опросы общественного мнения, проводившиеся в годы войны, создают несколько иную картину. И хотя в 1941—1943 гг. вопросы, ответы на которые должны были выявить отношение общественности к СССР и политике его правительства, формулировались по-разному, анализ полученных ответов все же позволяет прийти к определенным выводам.

Так, опрос, проведенный Национальным центром по исследованию общественного мнения 5 января 1942 г., показал, что 31% американцев опасался того, что «в случае победы в войне против Германии Россия выступит против демократических наций»⁸. Ответы на вопрос, «думаете ли Вы, что можно верить в то, что после окончания войны Россия будет сотрудничать с Соединенными Штатами», постоянно присутствовавший в опросах, проводимых в 1942—1943 гг. Американским институтом общественного мнения (АИОМ) *, Национальным центром по исследованию общественного мнения (НЦИОМ) и Отделом по исследованию общественного мнения (ОИОМ) *, менялись следующим образом (в %). См. табл. 1.

Простой подсчет показывает, что на протяжении этих 23 месяцев среднее число американцев, веривших в возможность сотрудничества с СССР после окончания войны и таким образом выражавших доверие к его внешней политике, весьма значительно (47,0 против 27,8) превышало число тех из них, кто не доверял своим советским союзникам.

Иными словами, результаты сражений под Москвой, Сталинградом и Курском, деятельность советской дипломатии на международной арене привели к серьезным изменениям в отношении американского общественного мнения к Советскому Союзу. Если в начале 1942 г. число американцев, веривших в возможность

⁷ Confidential Dispatches. Analyses of America by the British Ambassador, 1939—1945/Ed. by Th. A. Hachey. Evanstone (Ill.), 1973. P. 71.

⁸ National Opinion Research Center (NORC) Poll. Jan. 5, 1942 // Almond G. Op. cit. P. 93.

* АИОМ и ОИОМ часто называются в литературе по имени своих руководителей — институтами Джорджа Гэллага и Хедли Кэнтрила.

Таблица 1

Организация, проводившая опрос	Дата опроса	«Да»	«Нет»	Ответы «не знаю, не имею мнения»
НЦИОМ	14.02.42	38	37	25
ОПОМ	17.06.42	41	33	26
НЦИОМ	1.07.42	45	26	29
ОПОМ	15.07.42	50	30	20
НЦИОМ	19.11.42	51	24	25
НЦИОМ	27.11.42	52	26	22
АПОМ	7.01.43	46	29	25
НЦИОМ	18.06.43	48	27	25
АПОМ	10.11.43	47	27	26
НЦИОМ	15.11.43	48	20	32
АПОМ	15.12.43	51	27	22

сотрудничества между США и СССР после войны, было практически равным числу их сограждан, убежденных в обратном, то в декабре 1943 г. оно превышало его почти вдвое. И все же, как показывают данные опросов, на протяжении этих 23 месяцев в среднем 27,8% американцев постоянно заявляли о своем отрицательном отношении к советской внешней политике и неверии в возможность советско-американского сотрудничества в послевоенные годы. Возникает вопрос, что же представляли собой эти люди⁹.

К сожалению, данные относительно социального статуса людей, охваченных упомянутыми опросами, отсутствуют, и автору приходится ориентироваться лишь на сведения, полученные в ходе исследования общественного мнения, проведенного в апреле 1943 г. Этот опрос показал, что среди американцев, принадлежавших к наиболее обеспеченным слоям населения, 53% опрошенных верили в реальность сотрудничества двух стран после окончания войны, 31% — не верил, а 16% не имели определенного мнения на этот счет. Среди людей, относившихся к среднеобеспеченным слоям, соответствующие цифры составляли 45, 38 и 17%, а в группе, объединявшей лиц, имевших низкий доход, — 41, 33 и 26%¹⁰.

Что же касается политической ориентации опрошенных, то, как показал ноябрьский опрос 1943 г., среди американцев, традиционно голосовавших за кандидатов республиканской партии, верили в возможность советско-американского сотрудничества после войны 43%, не верили — 34% и 23% не высказали определенного мнения. Среди людей, отдававших предпочтение демо-

⁹ Public Opinion, 1935–1946. P. 370.

¹⁰ American Institute of Public Opinion (AIPO) Poll. Apr. 6, 1943 // Public Opinion, 1935–1946. P. 371.

кратической партии, соответствующий процент составил 50, 21 и 29¹¹.

Оппозиция советско-американскому сотрудничеству была в 1942—1943 гг. чрезвычайно пестрой. В нее по-прежнему, как и в 1941 г., входили изоляционисты различного толка, включая членов конгресса США от обеих партий¹², чиновников многих департаментов и административных ведомств¹³. Активно выступили против союза с СССР большая часть руководства американской католической церкви и религиозных общин других деноминаций¹⁴, организации, объединявшие американцев польского, словацкого, скандинавского происхождения, иммигрантов из Литвы, Латвии и Эстонии¹⁵, многие средства массовой информации (особенно газеты У. Херста и Р. Маккормика)¹⁶, консервативное руководство Американской федерации труда¹⁷.

Ситуация, возникшая после вступления Соединенных Штатов во вторую мировую войну, провала нацистского блицкрига и разгрома немцев под Москвой, обусловила и существенные изменения в той тактике, которую использовали противники советско-американского сотрудничества.

Учитывая новые условия, вчерашние изоляционисты уже не могли использовать такие аргументы, как то, что война между Германией и СССР являлась столкновением двух равно агрессивных государств, стремившихся к господству в Европе¹⁸, конфликтом, участие в котором противоречило национальным интересам Америки¹⁹. После сокрушительного поражения вермахта на подступах к Москве и контрнаступления Красной Армии уже нельзя было утверждать, что советские войска не способны остановить натиск противника, что Советскому правительству нельзя доверять, так как оно может пойти на сепаратный мир с Германией²⁰, и что Соединенные Штаты бессильны чем-либо помочь русским²¹.

¹¹ AIPO Poll. Nov. 10, 1943 // Ibid.

¹² Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945: Документы и материалы: В 2 т. Т. 1. 1941—1943. М., 1984. С. 146 (Далее: CAO...); New Republic. 1942. May 12. P. 706—710; Nation. 1942. Aug. 8. P. 108.

¹³ Confidential Dispatches. P. 71; CAO... Т. 1. С. 225—227; Nation. 1942. Aug. 8. P. 108—109.

¹⁴ Confidential Dispatches. P. 71, 137; CAO... Т. 1. С. 146.

¹⁵ Confidential Dispatches. P. 71; CAO... Т. 1. С. 155, 351.

¹⁶ CAO... Т. 1. С. 194, 252; New Republic. 1942. Apr. 20. P. 541; July 27. P. 102.

¹⁷ Confidential Dispatches. P. 71; *Taft Ph. Organized Labor in American History*. N. Y.; L., 1964. P. 598.

¹⁸ Richmond Times-Dispatch. 1941. June 23; Altoona (Pa.) Mirror. June 26, 1941. Второе издание цит. по: Congressional Record. Vol. 87. Pt 10. P. A3125.

¹⁹ Washington Times-Herald. 1941. June 23; Saturday Evening Post. 1941. Aug. 2; Washington Post. 1941. June 28.

²⁰ New York Times. 1941. June 26; Washington Times-Herald. 1941. June 25.

²¹ Washington Evening Star. 1941. June 29; New York Times. 1941. Aug. 6; U. S. News. 1941. July 4. P. 9.

Кое-что из пропагандистского арсенала, использованного до вступления США в войну, противники сотрудничества с СССР все же пытались применить. Им, в частности, был выдвинут тезис о том, что в случае поражения Германии «структура, сложившаяся в оккупированной Европе, будет разрушена и не останется ничего, способного удержать коммунизм внутри России», что «влияние распространения коммунизма на всю Европу будет огромным и для Соединенных Штатов»²². Этот аргумент, как отмечал либеральный журнал «Нэйшн», находил весьма благоприятный отклик в тех кругах, которые «боялись успехов русских больше, нежели поражения России», и которые предпочли бы, чтобы СССР «терпел неудачи, исключаящие катастрофу, и одерживал скромные — и дорого оплаченные — победы, исключавшие возможность триумфа»²³.

Другой формой саботирования советско-американского сотрудничества стала пропаганда за скорейшее заключение мира с Германией — пропаганда, вызывавшая положительный отклик у небольшого числа американцев²⁴. Около 17 млн граждан США (около 20% взрослого населения страны) были готовы к заключению Соединенными Штатами мира с нацистами²⁵, немало не думая при этом, к каким последствиям для союзников США, для самой Америки и для них самих может привести этот шаг, если рассматривать его с чисто практической точки зрения. О моральной стороне этой готовности к заключению мира говорить не приходится.

Одним из примеров подобной «миротворческой» деятельности стало создание Временного комитета за демократический мир — организации, сформированной из сторонников распущенного в январе 1942 г. Конгресса за предотвращение вступления Америки в войну. Лидеры новой организации — глава американских социалистов Н. Томас, издатели Освальд Г. Виллард и Джон Х. Холмз — отметили в заявлении, что, несмотря на ту неудачу, которую потерпел конгресс, «наша задача состоит в завоевании мира, и история докажет, что мы были правы»²⁶.

Если организация Томаса, Вилларда и Холмза объединяла в основном американцев, занимавших пацифистские позиции, то сторонники Комитета одного миллиона — едва ли не наиболее массового из изоляционистских союзов — придерживались совер-

²² Washington Times-Herald, 1941, June 25.

²³ Nation, 1942, Jan. 17, P. 60; 1943, Febr. 27, P. 293.

²⁴ По данным опросов УИОМ, АИОМ и Управления военной информации, доля людей, готовых одобрить подписание сепаратного мира с Германией при условии свержения Гитлера немецкой армией, составляла 30% опрошенных. 12% всех американцев признавали разумным вступить в переговоры с Гитлером при условии «сохранения существовавшего положения воюющих сторон». См.: Steele R. W. American Popular Opinion and the War Against Germany: The Issue of Negotiated Peace, 1941 // The Journal of American History, 1978, Dec. Vol. 65, N 3, P. 704–705.

²⁵ Ibid. P. 705.

²⁶ New Republic, 1942, Jan. 12, P. 56.

ненно иных идейных установок. Главными задачами этого объединения, судя по статьям, публиковавшимся в издаваемом в Детройте журнале «Кросс энд флэг», было подчинение стратегии США политике движения «Америка прежде всего» и изгнание из администрации Рузвельта коммунистов, «проникших во все ее звенья». Создателем и руководителем комитета — организации, располагавшей отделениями во всех штатах и субсидировавшей еженедельную общенациональную радиопрограмму, был Джералд Л. К. Смит, в прошлом один из ближайших помощников спискавшего себе печальную славу Хьюи Лонга²⁷.

Главным из того, что отличало сторонников этих организаций от огромного большинства американцев, был, по мнению историка Ричарда Стила, следующий комплекс убеждений: вера в то, что «с Гитлером можно иметь дело», что Америке следует ограничиться обороной Североамериканского континента, что главным ее противником является Япония. Их характерными чертами были также стойкий антикоммунизм, антисемитизм и убеждение в том, что президент Рузвельт намеренно втянул США в войну²⁸.

Именно эти группы американцев и составили в 1942—1943 гг. основу движения «Тихий океан прежде всего», объединившего всех тех, кто испытывал страх перед Россией, кого отличали англофобия и убеждение в том, что «Соединенным Штатам нет дела до европейской кутерьмы»²⁹. Аргументация сторонников этого движения, активно поддержанного газетами Херста³⁰, рядом представителей высшего военного командования³¹, политических деятелей³² и дипломатов³³ была следующей: а) Япония может стать непобедимой, если ей дать время освоить захваченные территории; б) Китай, если ему не оказать большой материальной помощи, может выйти из войны; в) СССР и Великобритания выйдут из войны, как только Германия будет разбита; г) США в этом случае будут бессильны что-либо предпринять, так как их бывшие союзники разделят мир на сферы влияния, и т. п.³⁴

Приведенные соображения и аргументы, многочисленные рассуждения о «желтой» и «красной» опасности активно распространялись по стране прессой Херста и Маккормика, радиостанциями, контролируемыми противниками сотрудничества СССР и США, звучали в выступлениях сторонников изоляционистов в обеих палатах конгресса³⁵. События, произошедшие с начала Великой

²⁷ Ibid. 1942. Apr. 20. P. 541.

²⁸ Steele R. W. Op. cit. P. 705—706.

²⁹ Time. 1943. Apr. 5. P. 17.

³⁰ CAO... T. 1. C. 194; Time. 1943. Apr. 5. P. 17.

³¹ CAO... T. 1. C. 224—227; New Republic. 1943. Jan. 11. P. 42.

³² Time. 1943. Apr. 5. P. 17.

³³ Confidential Dispatches. P. 73.

³⁴ Time. 1943. Apr. 5. P. 17.

³⁵ New Republic. 1942. July 27. P. 102; Time. 1943. Apr. 5. P. 17. См. также серию статей под общим заголовком «Keep Them Out!» // Nation. 1942. July 18; Aug. 15; Oct. 24.

Отечественной войны и японской агрессии на Тихом океане, мало чему научили всех этих людей. Их отношение к войне между Германией и Советским Союзом по-прежнему определялось желанием увидеть оба эти государства «полностью обескровленными».

Цель кампании, развернутой движением «Тихий океан прежде всего» во второй половине 1942 г. и особенно весной 1943 г., трудно истолковать иначе, нежели попыткой убедить общественность оказать давление на администрацию Рузвельта, чтобы побудить ее сократить помощь союзникам, как призыв к неучастию США в высадке на Европейском континенте. Учитывая отсутствие в этот период второго фронта в Западной Европе и отчетливое нежелание военно-политического руководства Великобритании открыть его в 1942—1943 гг., целью этой кампании было также взвалить на СССР всю тяжесть войны с Германией, лишив его при этом сколько-нибудь существенной военной и экономической помощи.

Стремление добиться ослабления СССР, с тем чтобы его позицию можно было игнорировать в будущем при определении послевоенного устройства мира, прослеживалось и у некоторых убежденных противников изоляционистов, выступавших против какого-либо сговора с нацистской Германией, разгром которой представлялся им необходимым условием обеспечения успеха внешней политики США в послевоенные годы. Одним из наиболее ярких представителей этого направления в американской политике и общественной мысли того периода был Генри Р. Люс — издатель и владелец консервативных журналов «Форчун», «Тайм» и «Лайф», игравших значительную роль в формировании общественного мнения, и автор ряда работ, посвященных внешней политике. Как отмечалось в статье «Мышление Люса», опубликованной журналом «Нэйшн», едва ли можно было назвать случайным то, что, упомянув в одном из своих печатных выступлений СССР в качестве страны, воюющей с Германией, автор совершенно «забыл» о Советском Союзе при анализе условий, необходимых для разгрома Гитлера и установления «американского мира». «Эту забывчивость нетрудно понять, — подчеркивалось далее в статье. — По мнению м-ра Люса, положение в мире стало бы гораздо лучше, если бы о России можно было забыть»³⁶

Но так как «забыть» об СССР, т. е. игнорировать его, представлялось невозможным, американцам, по мнению журнала «Лайф», следовало усвоить, что Соединенные Штаты ведут войну не для того, чтобы «приобрести романтический ореол» защитника демократии, не «из-за смутного чувства, что нам нужно помочь русским», а ради решения «многих международных проблем», касающихся послевоенного устройства Западной Европы. «Для американцев настало время, — отмечал журнал, — перестать сражаться против и начать воевать за, время идти шаг за шагом по...

³⁶ Nation. 1942. Febr. 28. P. 246.

пути реконструкции мира и свободы»³⁷. Едва ли можно считать случайным, что цитируемая редакционная статья была опубликована в номере «Лайф», содержавшем сообщение о визите в Вашингтон наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова и результатах его переговоров с президентом Рузвельтом.

Все попытки добиться от администрации переориентации стратегии и внешней политики в направлении Тихого океана, сорвать сотрудничество с СССР и лишить его военной и экономической помощи не увенчались успехом. Как показали результаты опроса, проведенного АИОМ в ноябре 1943 г., подавляющее большинство американцев — 74,5% — выражало свое одобрение внешней политике, проводимой правительством, равно как и тому, как администрация вела войну³⁸.

Не удалось и попытки исказить в глазах большинства американцев ту роль, которую играл в войне Советский Союз, армии которого «побеждали во всех сражениях, выигранных антинацистскими силами»³⁹. В то время как в опросах, проводившихся в 1943 г., вопрос: «Считаете ли Вы, что США [Великобритания] делают все, что в их силах, для того, чтобы выиграть войну?» — задавался довольно часто, подобный вопрос об усилиях СССР не ставился ни разу⁴⁰. Судя по тем оценкам, которые на протяжении 1942—1943 гг. давала СССР и его вооруженным силам американская пресса, такой вопрос у специалистов по исследованию общественного мнения попросту не возникал⁴¹.

Реальное отношение значительного большинства американцев к советскому народу и Красной Армии хорошо прослеживалось по их отношению к таким проблемам, как оказание СССР военной и экономической помощи и как открытие второго фронта в Западной Европе. Нападение Японии на Гавайи и последующее распространение войны на Тихий океан и Юго-Восточную Азию, повлекшие за собой требования военного руководства США сократить помощь союзникам, в целом мало отразились на отношении американского общества к поставкам в Советский Союз. Как отметил известный американский историк Дж. Херринг, «даже в феврале 1942 г., когда... положение, сложившееся на Дальнем Востоке, казалось особенно мрачным, значительное большинство американцев одобряло предоставление всевозрастающей помощи Британии, России и Китаю»⁴².

³⁷ Life. 1942. June 22. P. 20.

³⁸ Gallup G. H. The Gallup Polls: Public Opinion, 1935—1971. Vol. 1. 1935—1948. N. Y., 1972. P. 419.

³⁹ Nation. 1942. Febr. 28. P. 246.

⁴⁰ Office of Public Opinion Research (OPOR) Polls. Aug. 12; Oct. 14, 1943 // POQ. 1944—45. Winter. P. 756.

⁴¹ New Republic. 1942. Jan. 12. P. 40; Mar. 2. P. 301; Apr. 20. P. 534; May 11. P. 623; June 22. P. 853—854; 1943. Jan. 25. P. 105; Febr. 15. P. 203; Aug. 23. P. 238; Nation. 1942. Jan. 3. P. 7; Jan. 10. P. 29; Febr. 28. P. 246; Apr. 18. P. 454—457; Time. 1943. Apr. 15. P. 18; Sept. 20. P. 36, etc.

⁴² Herring G. C. Aid to Russia 1941—1946. Strategy, Diplomacy and the Origins of the Cold War. N. Y.; L., 1973. P. 89.

На протяжении всего 1942 г. программа предоставления помощи СССР пользовалась поддержкой подавляющего большинства населения США: по данным НЦНОМ, в сентябре за продолжение поставок по ленд-лизу высказались 88% опрошенных, против — лишь 7%, а в январе 1943 г. соответственно 94 и 4%. Опросы показали, что американцы одобряли помощь СССР и Великобритании, даже если это означало ограничение их собственного потребления многих продуктов и товаров⁴³. Ряд сочувственных публикаций о положении в советском тылу и необходимости увеличения поставок в СССР продуктов питания появился на страницах и той части американской прессы, которая выражала взгляды весьма консервативной части общественности страны⁴⁴. Об отношении американцев к СССР и его народу свидетельствовали и некоторые другие предпринятые ими действия.

Уже на протяжении первого года участия СССР в войне, помощь, оказываемая его народу и армии, приобрела десятки различных форм и поступала из сотен и тысяч различных источников. Служебный дневник советского вице-консульства в Лос-Анджелесе содержит список огромного числа различных подарков, сделанных жителями Калифорнии советским людям. Среди них денежные пожертвования, одежда, медикаменты, сгущенное молоко и многое другое. Было собрано 37 тыс. долл. в фонд помощи Советскому Союзу на митинге в Лос-Анджелесе 24 марта 1942 г., на котором выступили известные американские актеры Чарльз С. Чаплин, Эдвард Г. Робинсон, Джон Герфилд, а с советской стороны — заместитель военного атташе полковник Бараев и представитель команды танкера «Батуми»⁴⁵.

Успешно развивалось сотрудничество двух стран в сфере деятельности общественных организаций, особенно Красного Креста. Только в 1942 г. этой организацией были направлены в СССР значительное количество медикаментов, 3 госпиталя для арктических районов, одежда и многое другое — всего на сумму 5 млн долл.⁴⁶ Большие денежные средства, много медикаментов и продовольствия было собрано и отправлено в СССР в 1941—1943 гг. различными общественными⁴⁷ и профсоюзными организациями⁴⁸, в том числе представителями русской эмиграции в Соединенных Штатах⁴⁹.

⁴³ NORC Polls, 1942, Sept. 24; 1943, Jan. 11 // Public Opinion, 1935—1946. P. 412.

⁴⁴ Time, 1942, Sept. 7, P. 18—19; Fortune, 1943, Jan. P. 152.

⁴⁵ Борисов А. Ю. СССР и США: союзники в годы войны, 1941—1945. М., 1983. С. 78—90.

⁴⁶ Там же. С. 80.

⁴⁷ Лишь за первую половину 1943 г. организацией Russian War Relief, Inc. было собрано свыше 3,5 млн долл., использованных позже на покупку медикаментов и одежды для советского гражданского населения. См.: ЦГАОР, ф. 5283, оп. 14, д. 167, л. 1.

⁴⁸ ЦГАОР, ф. 5283, оп. 14, д. 167, л. 14; см. также: Foner Ph. S. The Fur and Leather Workers Union. A Story of Dramatic Struggles and Achievements. Newark (N. J.), 1950. P. 611.

⁴⁹ Борисов А. Ю. Указ. соч. С. 79—80.

Понимание той роли, которую играл в борьбе со странами «оси» Советский Союз, заметно возросло после вступления США в войну и еще более усилилось после разгрома нацистских армий под Москвой. Практическим воплощением этого понимания стало массовое движение за открытие второго фронта в Европе, инициаторами которого выступили еще в июле 1941 г. Коммунистическая партия США, левые и либеральные круги американской интеллигенции⁵⁰.

Это движение начало приобретать подлинно массовый характер уже весной 1942 г., в период, когда успехи вооруженных сил Японии в Юго-Восточной Азии, немецких и итальянских войск в Африке и очевидная подготовка вермахта к новому наступлению на Восточном фронте резко ухудшили положение стран антигитлеровской коалиции. Роль советско-германского фронта в этой связи приобретала жизненно важный характер, и это не осталось незамеченным американцами⁵¹. Их обеспокоенность складывающимся положением и рост движения за скорейшее открытие фронта в Западной Европе были отмечены президентом Рузвельтом в телеграмме Черчиллю уже 3 апреля 1942 г. «Ваш и мой народы требуют создания второго фронта, чтобы снять бремя с русских, и эти народы достаточно умны, чтобы видеть, что русские сегодня убивают больше немцев и уничтожают больше техники, нежели Вы и я, вместе взятые», — подчеркнул президент⁵². Неделями позже, 11 апреля, об усилении движения сообщил в Москву советский посол М. М. Литвинов⁵³.

Уже в мае в Нью-Йорке состоялся многотысячный митинг Национального союза моряков, участники которого высказались за скорейшее открытие второго фронта. Вслед за моряками в движение включились другие нью-йоркские профсоюзы.

Особенно широкий размах кампания за непосредственную помощь Красной Армии приобрела после визита в США В. М. Молотова и опубликования советско-американского коммюнике о его посещении Вашингтона. В начале июня движение за сбор подписей под петицией о незамедлительном открытии фронта на Европейском континенте начал ряд профсоюзов. Единодушно выступили за скорейшее вторжение в Западную Европу участники митинга, состоявшегося в Нью-Йорке 22 июня, на котором выступили специальный помощник президента Гарри Гопкинс, член Верховного суда США С. Рид, мэр города Фиорелло Г. ЛаГардиа, советский посол М. М. Литвинов и ряд других официальных лиц⁵⁴.

Одной из наиболее распространенных форм этого движения стала рассылка резолюций и писем с требованием о высадке со-

⁵⁰ Daily Worker. 1941. July 21; New Republic. 1941. July 21. P. 78.

⁵¹ New Republic. 1942. Mar. 9. P. 319; Nation. 1942. Mar. 28. P. 362.

⁵² Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence: Vol. 1–3/Ed. by W. F. Kimball. Princeton (N. J.), 1984. Vol. 1. P. 441.

⁵³ CAO... T. 1. C. 159.

⁵⁴ Daily Worker. 1942. June 23.

ных войск в Европе в редакции различных газет и журналов, также членам администрации и конгресса. Активное участие в проведении этой кампании приняли организации, входившие в Конгресс производственных профсоюзов (КПП) и местные отделения Компартии США. О масштабах этих действий свидетельствует следующий факт: из многих сотен тысяч писем, поступивших на имя президента Рузвельта, свыше полумиллиона было послано организациями КПП только из города и штата Нью-Йорк⁵⁵.

Следует отметить, что движение местных организаций КПП за открытие второго фронта разворачивалось в условиях серьезного сопротивления со стороны консервативного руководства этого объединения. Лидеры КПП — Джон Л. Льюис, У. Грин, Ф. Мэррей и др. — не отвергая необходимости вторжения в Западную Европу, настаивали на том, что вопрос о втором фронте является военной, а не политической проблемой и в этой связи его решение — прерогатива администрации и военного руководства страны⁵⁶. Подобной же позиции руководители КПП придерживались и на протяжении 1943 г., стремясь в ходе подготовки VI съезда и очередных съездов входивших в него профсоюзов не допустить принятия резолюций, содержащих требование о немедленном открытии второго фронта⁵⁷.

И все же мощное движение за его открытие, в котором на протяжении 1942—1943 гг. участвовали сотни тысяч рядовых членов и сотни местных отделений⁵⁸, вынудило руководство конгресса ввести в принятую на VI съезде резолюцию «О внешней политике Соединенных Штатов» следующее положение: «Перед Объединенными Нациями стоит задача осуществить решающее вторжение в Европу, чтобы сократить силы нацистов мощными ударами советских и всех сил англо-американских войск с двух сторон»⁵⁹. В целом же резолюция, принятая в Филадельфии, имела компромиссный характер и не содержала какой-либо критики внешней и военной политики администрации. Что же касается кампании за немедленное открытие второго фронта, то она в последовавшие за съездом месяцы пошла в профсоюзах КПП на спад⁶⁰.

Сходная ситуация складывалась и в Американской федерации труда (АФТ). Под давлением со стороны рядовых членов профсоюзов происходило постепенное изменение позиций руководства АФТ, хотя этот процесс вследствие консерватизма и антикоммунистических взглядов лидеров федерации протекал довольно медленно. Так, приняв в октябре 1941 г. на 61-м съезде АФТ резо-

⁵⁵ Ibid. 1942. July 5.

⁵⁶ Михайлов Б. Я. Конгресс производственных профсоюзов, 1935—1955: Из истории американского рабочего движения. М., 1959. С. 209—210.

⁵⁷ Там же. С. 213.

⁵⁸ CIO News. 1942. May 25. P. 5; July 6. P. 1; July 27. P. 1; Aug. 3. P. 8; Aug. 10. P. 5; Михайлов Б. Я. Указ. соч. С. 213, 215—216.

⁵⁹ Resolutions of the Sixth CIO Convention. Philadelphia, 1943. P. 23.

⁶⁰ Михайлов Б. Я. Указ. соч. С. 216.

люцию, призывавшую оказать народам Британии, СССР и Китая материальную, финансовую и моральную поддержку⁶¹, руководители этой организации в течение нескольких последующих месяцев практически игнорировали СССР и борьбу советского народа против агрессии.

Это хорошо прослеживается по содержанию их публичных и печатных выступлений. В статье Дж. Мини «За что мы воюем», в «Декларации АФТ о политике в отношении войны», принятой 16 декабря 1941 г., в обзорах материалов, опубликованных ведущими профсоюзными газетами в январе 1942, нет ни единого упоминания о событиях на советско-германском фронте, внутреннем положении в СССР, советско-американских контактах на официальном уровне⁶². Нет ни слова о результатах завершившегося в феврале 1942 г. контрнаступления Красной Армии под Москвой и в последующем февральском номере официального журнала АФТ. Спустя три месяца Исполнительный совет АФТ категорически отверг предложение о сотрудничестве с советскими профсоюзами, внесенное руководством Англо-советского профсоюзного комитета⁶³.

Но, как ни противилось руководство федерации идее сотрудничества с Советским Союзом, ход событий, развернувшихся летом и в начале осени 1942 г., и давление со стороны рядовых членов и местных организаций АФТ вынудили его заявить о своей поддержке движения за открытие второго фронта⁶⁴.

По мере обострения положения на советско-германском фронте кампания за скорейшее вторжение американских и британских войск в Западную Европу приобретала все больший размах. Опрос общественного мнения показал, что 82% американцев выступают за вторжение на Европейский континент, причем 48% из них настаивают на немедленном его осуществлении⁶⁵. На страницах газет и журналов замелькали заголовки, выдававшие озабоченность американской общественности тем, что происходило на полях сражений в России, — «Россия в опасности», «Долгий путь к победе», «Главные мысли о втором фронте», «Раненый гигант» и т. п.⁶⁶

Массовые митинги, участники которых требовали немедленно открытия второго фронта, прошли в Вашингтоне, Чикаго, многих других городах. Представители 70 организаций, входивших в КПП, обратились к президенту с требованием предпринять все необходимые меры для организации вторжения до конца 1942 г. Аналогичная телеграмма поступила Рузвельту и от 50 руководителей местных профсоюзов Бостона, представлявших как КПП,

⁶¹ American Federationist. 1941. Oct. P. 3-4.

⁶² Ibid. 1942. Jan. P. 8-9, 10-11, 29-30.

⁶³ Taft Ph. Op. cit. P. 598; Confidential Dispatches. P. 71.

⁶⁴ CAO... T. 1. C. 224.

⁶⁵ AIPO Poll, July 31, 1942 // POO. 1942. Winter. P. 658.

⁶⁶ Nation. 1942. May 30. P. 618, 623; July 18. P. 46, Oct. 13. P. 287; New Republic. 1942. June 22. P. 843; July 27. P. 101. Aug. 3. P. 136; Time. 1942. Sept. 7. P. 9-10.

и АФТ «Наша единственная надежда на скорую победу над
жавами „осп“ — в открытии нового фронта в Западной Евро-
в 1942 г.», — подчеркивалось в резолюции, принятой VII еже-
дным съездом Объединенного союза автомобилестроителей,
проходившем в августе в Чикаго⁶⁷.

Росту поддержки СССР и усилению движения за открытие
второго фронта в огромной степени способствовало то, что летом
и осенью 1942 г. американцы стали все более отчетливо осознавать
этот факт, что в его отсутствие исход борьбы на советско-герман-
ском фронте приобрел критически важное значение для дальней-
ших судеб союзной коалиции. Обеспокоенность результатами
войны СССР с Германией перестала быть отличительной чертой,
присущей лишь левой и либеральной интеллигенции, американ-
ским коммунистам, рабочим⁶⁸. Ее все чаще и чаще выражали и
представители деловых кругов США, в том числе той их части,
которая ранее относилась к сотрудничеству с СССР весьма сдер-
жанно и видела в противоборстве с нацистами прежде всего
борьбу за установление «американского мира».

Показателем этой обеспокоенности может служить та крити-
ка, которой подвергались действия администрации по осуществле-
нию помощи союзникам, и прежде всего СССР, в американской
прессе летом и осенью 1942 г.⁶⁹ Лейтмотивом этих критических
выступлений были обвинения в том, что она недостаточно и
слишком медленно помогает своим союзникам. Как отмечалось,
например, в статье, помещенной в «Уолл-стрит джорнэл», «вся
та помощь, которая посылается сейчас» союзникам из США, мо-
жет прибыть «слишком поздно»⁷⁰. «Уолл-стрит Джорнэл» — га-
зету, отражавшую мнение финансовых кругов Соединенных Шта-
тов, едва ли можно было заподозрить в чрезмерных симпатиях
к Советскому Союзу.

Беспокойство, проявляемое американской общественностью в
связи с положением на Восточном фронте, и массовое движение
за вторжение в Западную Европу, развернувшееся летом—осенью
1942 г., привели к тому, что администрация США, занятая подго-
товкой высадки войск в Северной Африке, оказалась в крайне
неудобном положении — общественное мнение фактически обви-
няло ее в бездействии. Это обстоятельство не могло не вызывать
озабоченности у президента и членов его кабинета.

Президент Рузвельт придавал состоянию общественного мне-
ния большое значение. Документы, хранящиеся в библиотеке
Франклина Д. Рузвельта в Гайд-парке, в частности его перепис-
ка с директором Управления военной информации (УВИ) Элме-

⁶⁷ CIO News. 1942. Aug. 10. P. 5.

⁶⁸ CAO... T. 1. C. 224.

⁶⁹ New Republic. 1942. May 18. P. 663; June 22. P. 843; July 27. P. 102; Aug. 3.
P. 137; Sept. 28. P. 363; Nation. 1942. July 18. P. 47; Oct. 3. P. 288; Oct. 31.
P. 435; U.S. News. 1942. Aug. 14. P. 16–17; Wall Street Journal. 1942.
July 20.

⁷⁰ Wall Street Journal. 1942. July 20.

ром Дэйвисом и руководителем ОИОМ Хэдли Кэнтрилом, свидетельствуют о том, что в годы войны накануне и после принятия важнейших решений президент регулярно получал данные опросов общественного мнения и аналитические обзоры, созданные на их основе⁷¹. Франклин Д. Рузвельт отдавал себе отчет в том, насколько важную роль в формировании общественного мнения играют средства массовой информации, доказательством чего являются его многочисленные интервью и выступления по радио, в том числе знаменитые «Беседы у камелька», которые слушала вся страна.

В этой связи администрацией довольно быстро были предприняты энергичные усилия с тем, чтобы отвлечь внимание общественности США от проблемы второго фронта: УВИ и ряд других административных агентств приняли меры, направленные на ослабление кампании в пользу его открытия. Было оказано давление на средства массовой информации. Американской прессе, особенно изданиям, имеющим большие тиражи, рекомендовалось, как отметил в своем обзоре советник посольства СССР А. А. Громыко, «подчеркивать не вопрос о втором фронте, а вопрос о налетах на германские города», изображая эти действия авиации в качестве «важнейшего события нынешнего периода войны»⁷². Было опубликовано много материалов о трудностях, связанных с доставкой войск и снаряжения в Англию; о необходимости вначале выиграть «битву за Атлантику», большое число репортажей о действиях против Германии американской авиации — ряд периодических изданий внял правительственным рекомендациям.

Были также предприняты попытки представить договоренность об открытии второго фронта в 1942 г., достигнутую во время визита в США В. М. Молотова, как нечто, не обязывающее к конкретным действиям, как некое пожелание, осуществить которое Соединенные Штаты оказались не в состоянии. Журнал «Тайм», в частности, охарактеризовал эту договоренность как «обещание или крупную и грубую ошибку дипломатии», заключавшуюся прежде всего в самой ее формулировке⁷³.

Ряд лиц, близких к администрации, в том числе Э. Рузвельт, выступили с публичными заявлениями о неподготовленности США к высадке на континент. Утверждалось также, что главным препятствием к открытию второго фронта в 1942 г. является позиция Великобритании, чье правительство стремится оттянуть вторжение до того момента, когда в нем сможет принять участие равное количество британских и американских войск⁷⁴. Все эти аргументы не возымели действия — кампания «Второй фронт —

⁷¹ См., например: Hadley Cantrill to Anna M. Rosenberg, July 3, 1941; H. Cantrill to President, May 13, 1943; Sidney J. Weinberg to David M. Noyes, Oct. 3, 1943 // Franklin D. Roosevelt Library, Hyde Park (N. Y.), Box 175, President Secretary File, Public Opinion Polls; см. также: Elmer Davis Folder, OWI Folder // Ibid.

⁷² CAO... T. 1. C. 229.

⁷³ Time. 1942. Sept. 7. P. 19.

⁷⁴ New York Times. 1942. Sept. 19.

немедленно», развернувшаяся в сентябре, продолжалась. Она достигла такого размаха, что 12 октября президент выступил по радио, открыто выразив недовольство тем, что проблема высадки во Франции стала предметом широкого обсуждения в американской прессе⁷⁵. Но, несмотря на откровенно негативную реакцию президента и других представителей администрации, обсуждение печатью этой «запретной в Вашингтоне темы», выступления общественности за скорейшее открытие второго фронта продолжались. Как отметил в интервью член палаты представителей от штата Огайо Бендер, «необходимость открытия второго фронта... была ясна любому среднему американцу с зимы 1941 г.»⁷⁶.

Сокрушительный разгром вермахта в ходе Сталинградского сражения и последующего наступления Красной Армии, «за темпами которого не мог угнаться ни один еженедельник»⁷⁷, был воспринят общественностью США неоднозначно. С одной стороны, эти победы способствовали росту уважения к СССР и боевой мощи его вооруженных сил, усилению движения за открытие второго фронта. С другой стороны, они привели к активизации противников советско-американского сотрудничества.

Одним из проявлений этой деятельности стала кампания, развернутая в изоляционистской и консервативной прессе в связи с заявлением посла США в Москве адмирала У. Стэндли, обвинившего Советское правительство в намеренном сокрытии от общественности информации об американских поставках в СССР⁷⁸. Целью обвинений, тона, который был задан статьей «Красные скрывают нашу помощь», опубликованной «Чикаго трибюн», было стремление усилить существовавшее в определенных группах американской общественности недоверие к политике СССР и принудить администрацию занять в отношении него более жесткую политику⁷⁹. Следует отметить, что сколь ни существенны были последствия интервью У. Стэндли для дипломатических отношений между двумя странами, в целом кампания в изоляционистской прессе не достигла цели — опросы общественного мнения показали, что число американцев, доверявших своим советским союзникам, уменьшилось с февраля по апрель 1943 г. лишь на 2%⁸⁰. Заявление посла вызвало возмущение в США — ряд либеральных изданий потребовал отзыва адмирала из Москвы⁸¹.

Несколько оживилось в конце зимы 1942 г. — весной 1943 г. и движение «Тихий океан прежде всего», сторонники которого рассматривали на данном этапе в качестве первоочередной задачи предотвращение участия США в высадке во Франции⁸².

⁷⁵ Daily Worker. 1942. Oct. 13.

⁷⁶ Nation. 1942. Oct. 31. P. 435.

⁷⁷ Подробнее см.: Herring G. C. Op. cit. P. 80–109.

⁷⁸ Chicago Tribune. 1943. Mar. 7; Catholic World. 1943. Apr. P. 1–9; см. также: Herring G. C. Op. cit. P. 317.

⁸⁰ AIPO Polls, Febr. 3, Apr. 30, 1943 // Gallup G. H. Op. cit. Vol. 1. P. 367, 382.

⁸¹ Herring G. C. Op. cit. P. 316.

⁷⁷ Ibid. 1943. Febr. 27. P. 293.

⁸² Time. 1943. May 31. P. 17.

Позиции других противников сотрудничества с Советским Союзом были следующими. Часть из них высказывала опасения, что СССР в любой момент может выйти из войны, бросив своих союзников на произвол судьбы. Другие утверждали, что СССР будет вести войну до победы над Германией и в результате Европа может оказаться «большевизированной»⁸³. Единственным способом избежать этого была по мнению консервативной прессы, безотлагательная высадка союзных войск на континент. В некоторых периодических изданиях появились статьи, критиковавшие «средиземноморский» и «балканский» варианты высадки. «Если... вторжение в Европу должно состояться... зачем выбирать для него окольные пути? Почему не предпринять его из Англии...?» — спрашивал читателей журнал «Форчун». Его редакция не скрывала причин своей озабоченности. Что же произойдет в Европе, «если паника, возникшая на Восточном фронте, приведет Германию к катастрофе?» — задавался вопрос несколькими строчками ниже⁸⁴.

Подобные вопросы ставились в консервативной прессе лишь тогда, когда Красная Армия добивалась максимальных успехов. Как отмечал «Нэйшн», редакционные статьи в пользу высадки в Европе появлялись в таких газетах, как «Нью-Йорк таймс» тогда, когда «Создавалось впечатление, что русские могут выйти к границам Германии ранее высадки в Европе англо-американских экспедиционных сил»⁸⁵. В остальное время призывы создать второй фронт расценивались американской реакцией как действия в «интересах Москвы», особенно если они исходили от людей, известных своими либеральными или левыми убеждениями⁸⁶.

Однако, какие бы домыслы относительно военных планов и внешней политики СССР в будущем ни публиковались консервативной прессой, ожидаемых результатов они не дали — движение за высадку союзников в Западной Европе на протяжении всего 1943 г. не ослабевало.

Большая роль в нем принадлежала Компартии США, Американскому славянскому конгрессу, Комитету помощи России, созданному в апреле 1943 г. Национальному совету американо-советской дружбы, внесшему немалый вклад в распространение в США правдивой информации об СССР, ряду других общественных и профсоюзных организаций.

Победы, одержанные Красной Армией зимой и летом 1943 г., успехи союзных войск в Северной Африке и на Тихом океане, их высадка в Италии, предопределившие дальнейший ход войны, повлекли за собой рост интереса, проявляемого американцами к послевоенному устройству мира, к проблеме взаимоотношений союзников по коалиции в послевоенные годы. Об этой заинтересованности свидетельствуют и количество публикаций в амери-

⁸³ Nation. 1943. Febr. 27. P. 293.

⁸⁴ Fortune. 1943. Jan. P. 188.

⁸⁵ Nation. 1943. Mar. 27. P. 452.

⁸⁶ Ibid.

ой печати, и содержание опросов общественного мнения, дившихся в 1943 г. и показавших, что на протяжении этого да выказывать доверие к Советскому Союзу стало все больше и большее число американцев⁸⁷.

е изменения, которые претерпело отношение общественности А к СССР, особенно хорошо прослеживались по публикации появлявшимся в прессе. Как отмечал американский исследователь Мелвин У. Смолл, проанализировавший содержание 23 более влиятельных журналов либерального, умеренного и консервативного направлений с 1939 по 1944 г., общее количество материалов, посвященных советской тематике, выросло за эти ды почти в 4 раза, а количество статей, содержавших позитивные оценки, — с 4 до 145⁸⁸.

В целом отношение американцев к советскому народу и Красной Армии, сложившееся к середине 1943 г., следовало бы, пожалуй, охарактеризовать, используя название обзора опросов общественного мнения, помещенного в журнале «Форчун», — «Рука протянута России»⁸⁹. Оно разительно отличалось от настроений, господствовавших всего лишь около полутора лет назад, когда в одном из интервью, опубликованных «Нью-Йорк таймс», подчеркивалось, что России следует оказать помощь «не потому, что мы стали меньше ненавидеть коммунизм, но оттого, что Гитлера мы ненавидим еще больше»⁹⁰.

Изменения, происходившие в восприятии американцами Советского Союза, в их отношении к этой стране и ее народу, к проблеме сотрудничества с СССР в борьбе с общим врагом и в послевоенные годы, были достаточно быстрыми и глубокими, несмотря на то что на их пути было немало препятствий. Ход советско-американского сотрудничества в 1942—1943 гг. далеко не всегда был ровным — были в нем и подъемы и спады; противники совместных действий двух стран неоднократно пытались ухудшить отношения между США и Советским Союзом, используя для этого недоверие, которое часть американцев испытывала к СССР и его внешней политике. В очередной раз это было сделано летом—осенью 1943 г. и в период подготовки и проведения Московской и Тегеранской конференций. В целом, однако, вся эта деятельность сколько-нибудь существенных результатов не дала⁹¹.

⁸⁷ См. табл. 1.

⁸⁸ Цит. по: Alexander Ch. C. The U. S. and the U. S. S. R.: Views from America 1939—1942: The Report Delivered at the First Soviet-American Colloquium on U. S.-Soviet Relations during World War II. Moscow, October 21—23, 1987. P. 10.

⁸⁹ Fortune. 1943. June. P. 22—25.

⁹⁰ New York Times. 1942. Mar. 27.

⁹¹ Так, опрос, проведенный 20 сентября 1943 г. среди 70 видных предпринимателей — членов Чикагского клуба, в ходе встречи, организованной лидером изоляционистского комитета «Америка прежде всего» генералом Вудом, показал, что даже из этих представителей наиболее консерватив-

Встреча глав союзных держав, как и предшествовавшая ей конференция министров иностранных дел, прошли вполне успешно и дали положительные итоги, что и было отмечено в конгрессе США⁹², в американской прессе⁹³ и в ходе опросов общественного мнения⁹⁴.

Так, опросы, проведенные в ноябре 1943 г., показали, что число американцев, уверенных в том, что по окончании войны в Европе СССР окажет помощь США в войне с Японией, возросло лишь за три истекших месяца с 35 до 49%. Другой опрос, также проведенный в ноябре, продемонстрировал, что число людей, доверявших внешней политике Советского Союза, достигло 51% (до Московской конференции — 35%)⁹⁵. Опрос, проведенный АИОМ 26 ноября того же года, показал, что процент американцев, веривших в возможность сотрудничества двух стран после войны, достиг 57. И наконец, 39% опрошенных еще до Московской конференции считали, что для поддержания мира на планете после окончания войны Соединенным Штатам следует заключить с Советским Союзом постоянное военное соглашение⁹⁶.

Все то, о чем говорилось в этой статье, думается, позволяет прийти к следующим выводам:

число американцев, выступавших за сотрудничество с СССР в войне с Германией и предоставление ему военной и экономической помощи, на протяжении 1942—1943 гг. постоянно увеличивалось;

лица, постоянно выражавшие свое негативное отношение к СССР, его политической системе и не верившие в возможность сотрудничества с русскими после окончания войны, составляли в эти годы около 28% опрошенных;

рост рядов американцев, выступавших за оказание СССР помощи в войне, сотрудничество с СССР после ее окончания, доверявших своим советским союзникам и т. п., происходил в основном за счет людей, ранее не имевших сколько-нибудь определенных представлений о Советском Союзе и в этой связи четкого мнения о советской политической системе, народе, боеспособности Красной Армии и целях Советского правительства;

ных кругов американского бизнеса лишь 15 человек верили в то, что СССР не выполнит своих обязательств перед союзниками и заключит сепаратный мир с Германией. См.: *Sidney J. Weinberg to David M. Noyes*, October 4, 1943 // Franklin D. Roosevelt Library. Hyde Park (N. Y.), Box 175, President Secretary File, Public Opinion Polls.

⁹² См. статьи: FDR's Victory // *Nation*. 1943. Nov. 13. P. 547; Cairo and Teheran // *Ibid.* Dec. 11. P. 683.

⁹³ *New Republic*. 1943. Nov. 8. P. 635; Nov. 29. P. 770; Dec. 13. P. 835—837; *Nation*. 1943. Nov. 13. P. 546—547; Dec. 11. P. 683; *Time*. 1943. Nov. 8. P. 15—19; *Confidential Dispatches*. P. 137, 189—190.

⁹⁴ Результаты Московской конференции положительно оценил 61% опрошенных. См.: AIPO Poll, Nov. 9, 1943 // *Public Opinion*, 1935—1946. P. 1084.

⁹⁵ NORC Poll. Nov. 1943 // *POQ*. 1944—45. Winter. P. 519.

⁹⁶ AIPO Polls. 1943. Nov. 26 // *POQ*. 1944. Spring. P. 156; Sept. 8, 1943 // *POQ*. 1944—45. Winter. P. 759.

уверенность в возможности сотрудничества с СССР после окончания войны, позитивное отношение к советской внешней политике определялись не столько социальной принадлежностью или политической ориентацией американцев, сколько их образовательным и культурным уровнем, степенью информированности в проблемах текущей политики:

под влиянием событий 1942—1943 гг. и давления со стороны общественного мнения страны американская пресса, радио, кинематограф, особенно умеренная и консервативная часть средств массовой информации, начали рассматривать СССР и его внешнюю политику с более реалистических позиций, проявлять более объективное отношение к советскому народу. Резко возрос объем позитивной информации об СССР, его народе, культуре, политической системе, общественной жизни. Все это не могло не отразиться на отношении к СССР американского общественного мнения.

Возникает вопрос, что же определяло столь глубокие перемены в общественном мнении и почему они происходили столь быстро.

Ралф Б. Леверинг отметил в своем исследовании, что уже в начале войны Германия с СССР на вопрос, почему следует сотрудничать с Советским Союзом и оказывать ему военную помощь, специалисты, проводившие опросы, получали один и тот же ответ: «Россия не является империалистическим государством, а Германия — да. Россия в случае победы над Германией не вторгнется в США, тогда как Германия, возможно, сделает это»⁹⁷. Думается, что это объяснение справедливо лишь для начального периода войны, а затем главную роль играли не только практические соображения и здравый смысл, присущий американскому народу. В 1942—1943 гг. на отношении американцев к Советскому Союзу начало сказываться действие целого ряда психологических и эмоциональных факторов.

Под влиянием героической борьбы Красной Армии и гражданского населения возникли чувства уважения к советским людям и восхищения победами, одержанными ими над общим врагом. Происходила ломка привычных стереотипов, созданных десятилетиями антикоммунистической и антисоветской пропаганды. Значительное влияние на мышление американцев начали оказывать новые образы и представления об СССР, его народах и вооруженных силах. В этих условиях многое из того, что на протяжении 30-х годов и начального периода второй мировой войны вызывало оправданное возмущение американской общественности и определяло ее отношение к Советскому Союзу — жестокое преследование любого инакомыслия, гонения, обрушившиеся на крестьянство, интеллигенцию и церковь, массовый террор против ни в чем не повинных людей и другие уродливые и страшные

⁹⁷ *Levering R. B. American Opinion and the Russian Alliance, 1939—1945. Chapel Hill (N. C.), 1976. P. 43.*

реалии сталинщины, советско-германские соглашения 1939 г. и их последствия, — временно отступили в сознании значительного большинства американцев на задний план.

Продолжали оказывать свое влияние и чисто практические соображения — в отсутствие второго фронта в Европе именно советский народ нес главное бремя войны и, жертвуя жизнями своих солдат, спасал от гибели десятки, а может быть, и сотни тысяч американцев.

Стремительность событий, ставивших перед американским народом выбор, — сотрудничать с Советским Союзом в борьбе против общего врага или уклониться и поставить под угрозу все, чем он дорожил, — определил и ту быстроту, с которой изменялось общественное мнение Соединенных Штатов.